

U S S R A C A D E M Y O F S C I E N C E S
G E O G R A P H I C A L S O C I E T Y O F T H E U S S R
O R I E N T A L C O M M I S S I O N

**COUNTRIES AND PEOPLES
OF THE EAST**

Under the general editorship
of D. A. O L D E R O G G E, Corresponding Member
of the U S S R
Academy of Sciences

VOL. VI

COUNTRIES AND PEOPLES OF THE PACIFIC BASIN

NAUKA PUBLISHING HOUSE
Central Department of Oriental Literature
M O S C O W 1968

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК VI

СТРАНЫ И НАРОДЫ БАССЕЙНА ТИХОГО ОКЕАНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1968

И. С. Вдовин

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАЗВАНИЯ «АЛЕУТ»

Вопрос о происхождении названия «алеут» уже неоднократно поднимался в научной литературе, он имеет свою историю, которую и хотелось бы напомнить в общих чертах.

Самоназвание алеутов — «унанган». Никак не связанное по происхождению с этим самоназванием название «алеут» заинтересовало исследователей, которые пытались выяснить, как возникло это слово и от какого языка произошло.

Первые русские встретились с алеутами в 1741 г. и назвали их «американцами». Это произошло на Шумагинских островах во время известной экспедиции Витуса Беринга и Алексея Ивановича Чирикова, после того как судно «Св. Петр» бросило якорь около одного из островов этого архипелага. Называя обитателей этих островов «американцами», Г. Стеллер¹ и С. Ваксель² — участники этого плавания — как бы подтверждали то обстоятельство, что судно В. Беринга «Св. Петр» действительно достигло северо-западного побережья Америки — главной цели экспедиции.

Название «алеуты» впервые упоминается в документе Большерецкой канцелярии от 1747 г. — в донесении ниже-камчатского приказчика: «Отпущенный в 1745 году в морской вояж на неизвестных остров³ именно *алеуцких* (курсив мой. — *И. В.*), Беляев с товарищи»³.

А. Полонский — собиратель архивных сведений о русских плаваниях к Алеутским островам — пытался выяснить происхождение названия «алеуты». Он полагал, что оно возникло при следующих обстоятельствах: М. Неводчиков в 1747 г. вывез с острова Атту на Камчатку алеутского мальчика, от которого были получены некоторые сведения об алеутах. В одном из своих рассказов он сообщил: «Слыхал он от стариков своих, что сотворил небо, море и землю и человека, живущий на небеси, на их языке Алеукста-Агудах». А. Полонский считал, что слово «алеукста» «могло служить поводом названия [алеут], которое укоренилось с первого похода промышленников на острова. К такому заклю-

¹ G. W. Steller, *Reise von Kamtschatka nach Amerika mit dem Commandeur-Capitän Bering*, Bd 5, Neue Nordische Beiträge, 1793, S. 76.

² С. Ваксель, *Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга*, Л.—М., 1940, стр. 64, 65 и др.

³ Архив ВГО. ф. Б. В. 3, А. Полонский, *Промышленники на Алеутских островах (1743—1800)*, л. 27.

чению ведет то, что название это произошло вскоре по возврате в Камчатку первых промышленных с Атту и Агатту, населенных, по их первому донесению, неизвестным чукотским народом⁴.

Л. С. Берг, который подробно останавливается на истории вопроса о происхождении названия «алеуты», по поводу вышеприведенного сообщения А. Полонского писал: «Что значит „алеукста“, мне неизвестно: „агудах“ же, точнее „агугу“, у атхинских алеутов было обозначением творца вселенной (Вениаминов, III, стр. 2; у уналашкинских алеутов — „агугук“, Вен., II, стр. 119). В. И. Иохельсон любезно сообщил мне, что у всех алеутов „агудах“ значит „делатель“, творец же — „агугух“, от какого-то слова „агугу“ есть притяжательный падеж. Значение слова „алеукста“ темно для В. И. Иохельсона; окончание его не алеутское; очевидно, слово искажено»⁵. Как видно, знаток и исследователь алеутского языка В. И. Иохельсон не считал возможным присоединиться к догадке А. Полонского, и, видимо, не без оснований. Он не нашел никакого алеутского слова, которое было бы близко по звучанию слову «алеукста».

И. Вениаминов тоже не мог дать объяснения происхождению названия «алеут». Он высказал лишь предположение, скорее догадку, что оно могло возникнуть у русских при следующих обстоятельствах: увидев русских, алеуты якобы обращались друг к другу с вопросом «алик-уая» или «алиуая?» — «что это?». Будто и на вопросы русских, обращенные к алеутам, они отвечали тем же вопросом «алик-уая?». Отсюда будто бы и произошло русское название «алеут»⁶. Возможность происхождения этого названия таким путем маловероятна.

В. Н. Дол, ссылаясь на Ангеля, писал, что название «алеут» равнозначно чукотскому слову «aliat» — 'остров'. Он считал, что ранние русские исследователи Камчатки слышали, как чукчи называли «aliuit» обитателей о-вов Диомиды. Когда русские встретили людей на Алеутских островах, то предположили, что это были те же обитатели, которых чукчи называли «aliuit» и поэтому назвали их уже знакомым чукотским словом [aliuit], а затем переделали в алеут⁷. В этой версии неверно основное исходное положение. Слова «aliat» в чукотском языке нет. 'Остров' по-чукотски называется «илир». 'Житель острова', 'островитянин' — илитльэн. Как видно, чукотское слово «илир» — 'остров' не имеет ничего общего с «aliat». Следовательно, эта догадка тоже отпадает.

Можно было бы предположить другой источник происхождения названия. В XVII—XVIII вв. и позднее в русских документах и русской литературе часть сибирских эскимосов называли чукчами. Отсюда можно было бы предположить, что это название эскимосского происхождения. Однако ни в одном из диалектов языка сибирских эскимосов нет ни такого, ни близкого по звучанию слова со значением 'остров'. Следовательно, и это предположение также отпадает.

Таким образом, догадка, высказанная Енгелем и поддержанная Далом, — плод глубокого заблуждения ее авторов.

Еще большим недоразумением представляется предположение, высказанное тоже американским исследователем Р. Якобсоном. Он полагает, что «алеут» происходит от испорченного русскими племенного наз-

⁴ Там же.

⁵ Л. С. Берг, *Открытие Камчатки и экспедиции Беринга*, М.—Л., 1946, стр. 225.

⁶ И. Вениаминов, *Записки об островах Уналашкинского отдела*, ч. 2, СПб., 1840, стр. 2.

⁷ «Handbook of American Indians North of Mexico», pt 1, Washington, 1912, p. 36.

вания коряков «Aljutor»⁸. Как и при каких обстоятельствах произошло искажение названия 'алютор', 'алюторец' в 'алеут', Р. Якобсон ничего не пишет. Безосновательность этой догадки очевидна. 'Алюторы', 'алюторцы' — в русских документах, а после выхода в свет известного труда С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» (СПб., 1755 г.) и в другой литературе — всегда строго связываются с определенной частью коренного населения восточного побережья Камчатки, от селения Тымлат на юге до мыса Олюторского на севере. Свое название эта группа коряков получила от одного из поселков, расположенного в глубине залива Корфа, — Алют (на картах селение Олюторское). Оно находит объяснение в эскимосском языке и, по-видимому, происходит от эскимосского слова «alutoga» 'заколдованное место'⁹. Такое, на первый взгляд, странное название селения вполне вероятно. В топонимике северо-востока Сибири встречаются аналогичные. Так, полуостров Тайгнонос (в северо-западной части Охотского моря) получил свое название от корякского «тайн'ыног» — 'запретная, греховная земля' (от основ «тайң» «нытайың'кэн» — 'запретный', 'греховный' и «нутэ» /«нота» — 'земля').

Итак, ни один из предложенных вариантов происхождения названия «алеут» не является научно обоснованным и, следовательно, убедительным.

При исследовании этого вопроса следует учитывать обстоятельства, которые способствовали успешному продвижению землепроходцев на восток Сибири, и не только продвижению, но и первому знакомству с географией новых районов и с их коренным населением. Общеизвестно, что землепроходцы пользовались услугами «вожей» (проводников) и толмачей (переводчиков), которые выбирались из представителей местного населения. Проводниками и переводчиками русских, следовавших сухим путем с Колымы на Анадырь в 1650 г., были юкагиры; прианадырские юкагиры сопровождали и В. Атласова, следовавшего в 1697 г. на Камчатку. «Вожи» и толмачи сообщали русским первые данные о жителях новых мест, их названия, которые существовали в языке толмачей-проводников. Среди участников экспедиции В. Беринга также были толмачи, один был переводчиком с корякского языка, другой — и с корякского и с чукотского¹⁰. Судя по сведениям С. Вакселя и Г. Стеллера, переводчиками были чукча¹¹ и коряк¹². Это весьма важное обстоятельство, которое имеет решающее значение для установления происхождения и языковой принадлежности названия «алеут».

Слово «алеут» явно чукотско-корякского корня. Вероятнее всего, оно происходит от основы (корня) *элев/эляв*: *эчев/эчав* (другой фонетический вариант того же значения) — 'обвязать, обмотать вокруг объемный предмет' (голову, туловище, груз на нарте и т. п.) чем-то твердым, упругим, например кожей моржа кладь на нартах. Приведем примеры. Слово *чеуты-эчев* — 'головной убор в виде легкого обруча, сделанного из кожи моржа и украшенного вертикально прикрепленными пучками оленьих волос'. Этим головным убором чукчи пользовались во время праздника кита, буквально — 'головная обвязка'. Слово *увик-эчев* — 'широкий кожаный пояс, надеваемый на туловище правого упругого оленя. К этому поясу пристегивался левый, еще плохо обучен-

⁸ Word, vol. VII, New York, 1951, p. 18⁹.

⁹ Schultz-Lorentzen, *Dictionary of the West Greenland Eckimo Language*, Copenhagen, 1927.

¹⁰ С. Ваксель, *Вторая Камчатская экспедиция...*, стр. 142.

¹¹ Там же, стр. 62, 64.

¹² G. W. Steller, *Reise...*, S. 67.

ный ходить в упряжке олень', буквально — 'туловища обвязка'. Слово *элевит* — спаренные, связанные параллельно два долбленных челнока (для бóльшей устойчивости на воде и бóльшей грузоподъемности) при помощи палок, расположенных поперек челноков', буквально — 'те, которые связаны вместе', составляют нечто целое. То же значение этой основы и в корякском языке.

Итак, современное слово «алеут», «алеуты» — русская адаптация чукотско-корякского слова, в основе которого лежал корень *эле/эляв*.

Сейчас можно высказать лишь несколько предположений относительно того, каким путем образовалось это слово.

Возможно, первоначально было название *эляв-выттэ* — 'те, которые имеют [на голове] привязанные оботы с ветками'. Как известно, головные уборы алеутов состояли из деревянных шляп. Увидев алеутов с этими деревянными головными уборами, украшенными перьями, усами сивуча, переводчики чукчи или коряки издали могли принять эти головные уборы за украшения из веток растений, прутиков. Поэтому и называли их *эляв-выт-тэ*. В русской адаптации это слово сократилось и превратилось в «алеут».

Могло произойти и иначе. Алеут, сидящий в байдарке и прочно соединенный с ней у отверстия — сиденья, кстати имеющего деревянную обчайку, обтянутую кожей, мог навеять переводчикам такую ассоциацию, как *эле-ыт* (корякское произношение *элявыт*), т. е. 'которые связаны, соединены прочной обвязкой с байдаркой'. Такой описательный характер названия народности вполне закономерен. В основу брались такие внешние признаки, которые поражали своей необычностью. Первые русских мореплавателей чукчи, например, назвали «лелютвыльыт» (буквально — 'бородатые байдарщики', из этого образовалось слово «лелютвыт» со значением 'шхуна'), очевидно, потому, что русские тогда не брили бороды и усов, сами же чукчи их выщипывали и были «пустобороды» (так их называли ранние русские источники).

Как видно, обычай давать название народу по какому-то чисто внешнему признаку принадлежит не только чукчам. История знает много аналогичных примеров. Так, первые голландские поселенцы в Южной Африке целую группу местных племен назвали «бушменами», т. е. людьми кустов, зарослей' и т. п. Следовательно, описательный характер происхождения названия «алеут» в чукотско-корякских языках вполне закономерен и вероятен.

Возникает другой вопрос. Когда появилось это название впервые: во время экспедиции В. Беринга или раньше? В этой связи следует рассказать хотя бы вкратце одно историческое предание коряков-алюторцев. Речь в нем идет о событиях 1715 г., датируемых так точно по русским документам¹³. На берегу залива Корфа, при впадении р. Авьи (на старинных русских картах р. Алюторка), находился корякский Алюторский острожек. Его жители отличались воинственностью и неприимчивостью к соседям. В 1715 г. при участии прианадырских юкагигов и при помощи коряков соседнего Култушинского острога казаки обложили Алюторский острог. После нескольких недель осады жители этого острога бежали из него темной ночью на двух байдарках. Первоначально они остановились на острове Карагинском, но там не ужились и, покинув его, двинулись далее на юго-восток «Алявытыльэты», т. е. на Командорские острова. Так гласит предание.

Хотелось бы выяснить, откуда у коряков-алюторцев появилось наз-

¹³ «Памятники Сибирской истории XVIII века», кн. II, 1713—1724, СПб., 1885, стр. 53—58, 73—80.

вание «Алявытылгыт» — Командорские острова, если до экспедиции В. Беринга (1741 г.) алеуты и Алеутские острова вообще не были известны? Быть может, рассказ о бегстве коряков-алюторцев к Алеутским островам в 1715 или 1716 г.— более позднее добавление к этому преданию. Для такого утверждения нужны доводы. А если нет, то можно предположить, что алеуты были известны корякам-алюторцам еще до того, как русские начали свои плавания к востоку от Камчатки. На самом деле, откуда же в алюторском диалекте корякского языка оказались слова алеутского звучания с тем же значением, что и в алеутском¹⁴?

Вероятно, были правы Г. В. Стеллер¹⁵ и С. П. Крашенинников, полагавшие, что «„американцы“ (так Г. Стеллер называл алеутов. — *И. В.*) имели некогда с камчатскими народами сообщение»¹⁶. Поводом для такого рода заключений послужила удивительная близость целого комплекса предметов материальной культуры и быта алеутов с «камчатскими народами».

Точки зрения азиатского происхождения алеутов придерживался и И. Вениаминов¹⁷, его поддерживал Л. И. Шренк¹⁸ и др. Теперь установлено, что в топонимике восточного побережья Камчатки имеются несомненные следы эскимосского¹⁹, а может быть, и алеутского происхождения, и представляются вполне допустимыми весьма давние контакты населения Тихоокеанского побережья Камчатки с алеутами, а отсюда и более раннее происхождение названия «алеут» в языке коряков.

¹⁴ И. С. Вдовин, *Эскимосские элементы в культуре чукчей и коряков*, — «Сибирский этнографический сборник», т. III, М.— Л., 1961, стр. 62—63.

¹⁵ G. W. Steller, *Reise...*, S. 73.

¹⁶ С. П. Крашенинников, *Описание земли Камчатки*, М.— Л., 1949, стр. 179.

¹⁷ И. Вениаминов, *Записки об островах Уналашкинского отдела*, ч. I, СПб., 1840, стр. 108.

¹⁸ Л. И. Шренк, *Об инородцах Амурского края*, т. I, СПб., 1883, стр. 261.

¹⁹ И. С. Вдовин, *Эскимосские элементы...*, стр. 37.